

Е. Г. Неклюдов

ПОСЕССИОННЫЕ ГОРНЫЕ ЗАВОДЫ УРАЛА И ЗАМОСКОВЬЯ
В XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА

doi: 10.30759/1728-9718-2022-2(67)-175-184

УДК 94(47)“18/19”

ББК 63.3(2)5

Статья посвящена феномену посессионного права в горнозаводской промышленности России, представленному в контексте двух крупных реформ организационных основ этой базовой отрасли экономики. На основе законодательства и ведомственного делопроизводства в ней рассматривается проблема определения правового статуса (посессионные или владельческие) частных заводов Урала и Замосковья, вставшая перед властями после введения в стране в 1782 г. горной акцессии. Представлены обстоятельства первичного распределения заводов по статусным группам на рубеже XVIII и XIX вв.; мотивы и ход кампаний «по разбору прав» заводчиков в 1830–1850-е гг., призванных уточнить состав этих групп; причины и результаты снятия с заводов обременительного посессионного статуса во второй половине XIX — начале XX в. Сделан вывод о том, что эти операции являлись следствием изменений в перечне казенных пособий, или посессий, вносившихся по ходу реформирования и приводивших либо к расширению, либо к сокращению посессионного сектора промышленности как на Урале, так и в Замосковье. Определено, что статусный состав заводов был в целом отражением противоречивого взаимодействия государства и горнозаводчиков по поводу казенного имущества, находившегося в распоряжении заводчиков и являвшегося объектом эксклюзивного для России посессионного права.

Ключевые слова: *Урал, Замосковье, XIX — начало XX в., горные заводы, посессионное право, горные реформы*

На рубеже XVIII и XIX вв. в России произошло разделение частных металлургических, или, как их тогда называли, горных заводов на посессионные и владельческие. Это привело к формированию двух секторов промышленности, или групп предприятий, отличавшихся формой собственности и правовыми условиями функционирования, которые ставили их в неравное конкурентное положение.¹

Как уже отмечалось в научной литературе, это деление было вызвано заменой горной регалии, действовавшей в империи с 1719 г. и предполагавшей принадлежность недр земли государству, горной акцессией, установленной в 1782 г. в связи с передачей недр владельцу поверхности.² Действовавшие в то время на Урале

и в Замосковном районе частные предприятия, которые были построены на государственных землях, получив их в свое время в «пособие от казны», потребовалось отделить от тех, которые располагались на собственных землях заводовладельца. Попытаемся проследить до конца не изученный процесс установления и изменения правового статуса заводов в этих главных металлургических районах Российской империи, обращая внимание на сходства и различия между ними.³ Фоном для анализа становятся две крупные реформы организационных основ отечественной горнозаводской промышленности XIX в., которые влияли на эволюцию посессионного права и состав посессионного сектора. Источниками исследования послужат горнозаводское законодательство и отраслевая делопроизводственная документация.

Вслед за изданием манифеста 1782 г. «О распространении права собственности владельцев

¹ См.: Неклюдов Е. Г. Горные заводы Урала в XVIII — начале XX в.: формирование и развитие хозяйственно-правовых секторов // Не отступая, быть самим собой: к 100-летию со дня рождения К. Н. Тарновского: сб. статей и воспоминаний. М., 2021. С. 75–92.

² См.: Штоф А. А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896; Удинцев В. А. Русское горноземельное право. Киев, 1909; Минтинский А. Н. Посессионное право. СПб., 1911; Неклюдов Е. Г.

Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. Екатеринбург, 2011.

³ Посессионные горные заводы появились также в Закавказье после его присоединения к России. Но там посессионные отношения устанавливались не административным порядком, как на Урале и в Замосковье, а на основе срочных договоров с владельцами по пользованию казенными землями, лесами и рудниками. Подробнее см.: Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018. С. 527–540.

на все произведения земли, на поверхности и в недрах ее содержащиеся»,⁴ губернские казенные палаты, отвечавшие тогда за «горный промысел», «сочли за нужное привести в известность владеемые заводчиками казенные земли и леса». Однако, как впоследствии отмечали горные чиновники, из-за неоконченности генерального межевания эта операция затянулась и «совсем или с надлежащей точностью» не была завершена к тому моменту, когда законодательные новации потребовали ускорения дела.⁵ Поводом к этому послужил указ 1794 г., в соответствии с которым подать с продукции металлургических заводов — чугуна и меди — была повышена неравномерно: для построенных на казенных землях она выросла в полтора раза по сравнению с основанными владельцами на собственных землях. Так государство попыталось не только ускорить процедуру разделения, но и реализовать свое право на земельные отводы, которыми прежде безвозмездно пользовались заводчики. В том же законе было названо и еще одно пособие, заключавшееся в получении заводчиками «приписанных к заводам людей из казенного ведомства». ⁶ Это могли быть как приписные крестьяне, сезонно выполнявшие вспомогательные работы на многих предприятиях, так и государственные мастеровые и работные люди, перешедшие к частным лицам вместе с покупкой казенных заводов. Нововведение вызвало необходимость выяснения статуса не только земель, но и работников.

Поэтому, когда в 1796 г. после 12-летнего перерыва возобновилась деятельность Берг-коллегии, она «поставила в числе главнейших своих обязанностей привести в известность... леса, земли и людей». Но при проверке имевшихся ведомостей оказалось, что казенные крестьяне и мастеровые были показаны вместе с крепостными «без всякого тех и других различения», да и сами сводные данные не всегда совпадали с доставленными из заводских контор.⁷ Для ускорения затянувшейся процедуры, связанной с важной государственной задачей по сбору налогов, Сенат в 1800 г. предписал Берг-коллегии «всех тех заводчиков почитать имеющими от казны пособие, в чем бы оное не состояло». «Ничего не оставалось делать, как до собрания требуемых сведений поверстывать

в число обязанных платить за оные [повышенные — *Е. Н.*] подати всех тех заводчиков, при чьих заводах открывалось что-либо казенное», — позже поясняли горные чиновники.⁸

Завершенное на этом основании к 1801 г. предварительное разделение показало, что на Урале посессионными (так позже стали называть заводы, пользующиеся посессиями, или казенными пособиями) могли быть признаны 32 чугуноплавильных и 13 медеплавильных заводов, входивших в состав 25 горнозаводских округов.⁹ Это были Нижнетагильский, Ревдинский, Суксунский, Кыштымский и Кагинский округа Демидовых, Верх-Исетский, Невьянский и Алапаевский — Яковлевых, Сергинско-Уфалейский — М. П. Губина, Залазнинский — А. М. Мосолова, Шурминский — И. А. Мосолова, Юговский и Омутнинский — И. П. Осокина, Шайтанский — С. А. Ширяева, Сысертский — наследников А. Ф. Турчанинова, Песковский — И. Я. Курочкина, а также Билимбаевский завод графа А. С. Строганова, Шильвинский — А. М. Подъячева, Бемшевецкий — Е. А. Лебедева, Коринский — С. Т. Красильникова, Архангельский (Шаранский) — П. Г. Красильникова, Берсудский — Маленковых, Пыжманский — Кобелевых и Ньючимский — Грибановых. В Замосковном районе посессионными определили всего три чугуноплавильных завода: Кирицкий — Боленсов, Бытошевский — Ртищевых и Виндреевский — П. М. Очкиной. При этом сами горные власти сочли спорными случаи по семи уральским и 11 замосковным предприятиям, которые предложили пока «оставить решением... до общего рассмотрения дела о пособиях, а взыскание с них прибавочных денег впредь до того времени остановить и оные считать в недоимке».¹⁰

Предполагалось не только продолжить сбор сведений о видах пособий, но и учесть их количественные показатели, чтобы установить соразмерную подать. «Одни заводчики имеют казенные земли, леса и людей, другие одни земли с лесами, а иные только казенных людей, —

⁸ Там же. Д. 60. Л. 84–95об.

⁹ Напомним, что на Урале смежные предприятия объединялись, как правило, в крупные территориально-хозяйственные комплексы — горнозаводские округа, включавшие до 12 заводов и до 730 тыс. дес. земли. В Замосковном районе тоже сложилось несколько окружных хозяйств, объединявших смежные заводы (например, заводы Шепелёвых или Мальцовых), но большинство мелких предприятий, к которым в основном и относились посессионные заводы, действовали самостоятельно или небольшими группами. Железодобывательные заводы в списках не указывались, поскольку горная подать тогда взималась не с железа, а с чугуна и меди.

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 96–116; ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 8. № 5888.

⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 21. № 15447.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 84–95об.

⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 23. № 17225.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 3. Л. 61.

поясняли чиновники. — При этом некоторые пользуются всеми или одним из сих пособий в количестве, достаточном на полное заводское действие, другие же — количеством весьма малым».¹¹ Сенат в 1803 г. поручил министру финансов графу А. И. Васильеву «в особенное его попечение о приведении к концу такого рассмотрения, с коим сопряжена и казенная польза, происходящая от платежа большого дохода заводчиками, имеющими от казны пособия, противу не имеющих оных», и справедливость в расположении подати на посессионеров.¹² Так было начато сопряженное с разделением заводов на статусные группы «дело об уравнивании податей», затянувшееся на долгие годы.

Перед своим окончательным закрытием в 1807 г. Берг-коллегия доносила, что «по обширности сего предмета не успела еще собрать нужные сведения», да и сменивший ее Горный департамент (с 1811 по 1863 гг. — Департамент горных и соляных дел) не особенно торопился, занимаясь другими насущными делами, связанными с реализацией начатой тогда общей реформы организационных основ российской горнозаводской промышленности. Оформление посессионного права в систему норм и правил стало одной из составных частей этой реформы.

Активность в те годы проявили лишь некоторые заводладельцы, озабоченные включением их предприятий в состав посессионных. Среди уральских заводчиков это были граф А. С. Строганов и купец М. П. Губин. Первый считал включение его Билимбаевского завода в эту группу ошибочным, поскольку тот якобы располагался на пожалованных его предкам землях по реке Чусовой; второй полагал, что имевшиеся на его Нижнеуфалейском заводе «пришлые люди» не могут считаться казенными, поскольку отданы «яко в вечное владение» и за них заплачены деньги.¹³ Владелец Истинско-Залипяжского завода в Замосковье Н. П. Хлебников тоже доказывал, что его рабочих следует считать крепостными, а не «пришлыми людьми, долженствующими большей частью быть в казне», как полагали чиновники. Решение по этим и подобным спорным вопросам оставили тогда до «окончательного рассмотрения дела в Правительствующем Сенате обо всех вообще заводах, имеющих и не имеющих пособия».¹⁴

Некоторое движение делу придали реформа приписных крестьян, начатая в 1807 г. Она позволила заводчику отказаться от труда этих государственных крестьян, что могло привести к переводу заводов, причисленных к посессионным только по этому признаку, в группу владельческих. К такому шагу склонялся, в частности, купец А. А. Кнауф, недавно купивший Юговские заводы И. П. Осокина на Урале и вынужденный платить, по его словам, «отяготительную и несоразмерную» горную подать с этих посессионных заводов. Но ему разъяснили, что отказ от приписных крестьян в его случае не приведет к перемене статуса заводов, поскольку «пособия, данные со стороны казны не дворянам, состоят не в одних людях казенных, но и в праве иметь людей, купленных собственным капиталом, при своих заводах». «Столь ясное о пособии казны заводчикам положение, — полагали чиновники вслед за озвучившим эту правовую новацию А. И. Васильевым, — не исключит по сим статьям никого от прибавочной подати».¹⁵

Упоминание в законе обновленного представления о составе казенных пособий произошло в 1811 г. при издании «Учреждения Министерства финансов».¹⁶ В этом акте был представлен их полный перечень, включивший не только четыре «вещественных пособия» (к людям, землям и лесам тогда добавили еще и рудники, расположенные на земельных отводах), но и «правовое пособие», заключавшееся в «дозволении владеть заводом и при оном крепостными людьми, не имея права дворянства». Такое расширение перечня неизбежно вело за собой пересмотр прежнего распределения заводов по группам, поскольку предприятия, основанные купцами или находившиеся в их владении, автоматически должны были переводиться в посессионные. Однако новые региональные органы отраслевого управления (Московское и Пермское, с 1833 г. — Уральское, горные правления), которым с 1807 г. было поручено «заведовать» частными заводами в подведомственных районах, серьезно не отнеслись к этому занятию, тем более что сопряженное с ним «дело об уравнивании заводов в податях» было еще далеко от завершения.

Известно лишь, что на Урале в последующие годы продолжались споры о статусе нескольких заводов (Петрокаменский — на-

¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 84.

¹² Там же. Д. 3. Л. 122.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6998. Л. 272–284об.

¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 3. Л. 41–47.

¹⁵ Там же. Л. 122–132; ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 29. № 22498.

¹⁶ См.: ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 40. № 24688. § 47.

следников П. С. Яковлева, Благовещенский — А. П. Полторацкой, Шурминский и Каноникольский — Мосоловых), а два предприятия (Варзино-Алексеевский завод Тевкелевых и Молебский — Демидовых) были даже переведены в группу посессионных, но это произошло не из-за расширения перечня пособий, а вследствие изменения статуса земель, на которых они располагались. Кроме того, были закрыты несколько небольших заводов (Коринский, Пыжманский, Берсудский) из-за исчерпания природных ресурсов или банкротства владельцев.¹⁷

В отношении же Московского горного правления в одном из последующих указов прямо сообщалось, что, как его предшественник Московская берг-контора в свое время «не сделала особенного и точного назначения заводов», так и новое региональное начальство «ни об одном заводе не сделало никакого распоряжения по платежу подати, да и по состоянию Учреждения Министерства финансов в 1811 г. по предмету разделения заводов по роду их собственности и степени права... не имело суждения и на предмет сей не получало никакого от высшего начальства предписания».¹⁸

Начальственная инициатива случилась лишь в 1825 г. и была связана с обсуждением подготовленного в Департаменте горных и соляных дел проекта «уравнения податей». Забегая вперед, отметим, что из-за сложности реализации этот проект так и не был одобрен и в 1843 г. его разработка прекратилась. «Образ взимания» подати с посессионных заводов был «оставлен без изменений», сохранилась и так называемая оптовая система пособий, в соответствии с которой принадлежность к посессионным заводам определялась пользованием хотя бы одним из этих пособий.¹⁹

Но когда в 1825 г. только начиналось обсуждение проекта, директор Департамента Е. И. Мечников предложил передать его в Комитет об устройстве казенных горных заводов, созданный годом ранее для решения широкого круга вопросов, связанных с ходом реализации горной реформы. Этот Комитет и предписал региональным ведомственным учреждениям составить «сравнительный расчет» доходов казны от горной подати, а те, в свою очередь,

обязали заводоуправления предоставить сведения «со всевозможною ясностью и точностью в непродолжительное время». Первым в 1828 г. поступил ответ из Московского горного правления, в котором вместо точного расчета были приведены сведения о распределении подведомственных металлургических заводов по статусным группам. Само Правление тогда заметило, что некоторые заводы «по каким-то причинам» не платили повышенной подати, хотя пользовались пособиями от казны, отметив при этом, что, «по архиву за растратой дел», сведений о том не найдено.²⁰ Департамент тоже «усмотрел» из донесений Правления, что «некоторые ведомства его горные заводы, состоя во владении купечества и разночинцев, считаются в числе не имеющих пособия и платят одинакую подать» (то есть как владельческие заводы), и распорядился «войти в ближайшее соображение с существующими законами и на точном основании их, разделив на имеющие казенное пособие и не имеющие оного, составить им в таковом порядке табель».²¹

Результаты этой работы отразились в сенатском указе 1833 г., уже не раз нами цитируемом. В соответствии с ним, Московское горное правление к «первому классу» заводов, имеющих казенные пособия, помимо трех уже включенных в эту группу еще в начале XIX в., отнесло 18 предприятий. Это были Песоченский и Серенский заводы купцов Масловых, Рябкинский — коммерции советника А. И. Шапкина («по состоящим в приписке людям и по праву владения оными»), Дугненский — купца Д. Д. Лаврова («когого устроители неизвестны»), Богдано-Петровский, Сенетско-Ивановский и Ханинский — купцов Засыпкиных и Авгурский — купца Н. Д. Манухина («по праву владения людьми»), Истинско-Залипяжский — А. П. Полторацкой («по имеющимся в приписке людям и по праву владения приобретенными на заводском праве»), Песоченский и Любохонский — Гольнских (первый был построен не дворянами «по праву владения людьми», второй — «по имеющимся в приписке людям»; оба предприятия владельцы намеревались тогда «обратить в другое заведение»). Из заводов Шепелёвых — наследников И. Р. Баташова — в посессионные записали Унженский и Выксунский, а из заводов наследников А. Р. Баташова —

¹⁷ Подробнее см.: Неклюдов Е. Г. Посессионное право... С. 68, 69.

¹⁸ ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 8. № 5888.

¹⁹ Там же. Т. 18. № 17268. Подробнее о проекте см.: Неклюдов Е. Г. Посессионное право... С. 21–31.

²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 60. Л. 246, 252, 273.

²¹ ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 8. № 5888.

Еремшинский, Гусевский и Илевский, «из коих первые четыре построены предками Баташовых туляками, не имевшими тогда дворянского права, с покупкою к ним крестьян, а последний куплен с людьми же до возведения их в дворянское достоинство». Непложский завод генерал-майора Ф. И. Мосолова и Дубенский — подпоручиков Мосоловых оказались в этом «классе» «по приобретению и владению людьми на заводском праве, ибо устроители сих заводов были не дворяне». Остальные девять учтенных в «табели» предприятий остались во «втором классе», как не имеющие от казны ни рудников, ни земель, ни лесов и построенные дворянами, за исключением Черепецкого завода купца Я. И. Билибина, при котором не было «заводских людей».²²

Горный совет, действовавший при Департаменте, рассмотрев поступившие «ведомости», нашел, однако, что некоторые заводы разделены по «классам» «без должного в том удостоверения». В частности, сомнение у чиновников вызвало отнесение заводов наследников А. Р. Баташова и подпоручиков Мосоловых к посессионным, а Ибердецкого завода прапорщика П. М. Яблочкова и Мышегского — князя Я. Д. Бибарсова — к владельческим. Горные чиновники сочли необходимым выяснить, пользовались ли владельцы первых правом дворянства при покупке людей, а в отношении вторых рекомендовали узнать «образ усвоения» заводами состоящих при них земель. Не вдаваясь в подробности объяснений, приведенных Московским горным правлением в ответ на эти сомнения, отметим, что в 1831 г. Горный совет счел в целом правильным проведенное «разделение». Исключение было сделано лишь для Мышегского завода, отнесенного к посессионным по причине расположения на казенной земле, несмотря на то что владелец платил за эту землю оброк, установленный еще при основании предприятия в 1729 г. Рассмотренная тогда же жалоба купеческой жены Очкиной «на неправильное якобы признание Виндреевского ее завода имеющим от казны пособие» была «оставлена без уважения». Завод не только построен купцами, пояснили чиновники, но и «имеет купленных на праве заводском 422 души».²³

Желая, очевидно, оправдать бездействие как регионального, так и центрального горного на-

чальства, в результате которого заводы «доселе оставались без разделения, предписываемого... Учреждением Министерства финансов», Горный совет предположил, что это было связано с тяжелым финансовым положением многих замосковных заводов. Как сообщало Горное правление, некоторые из них «находились в совершенном упадке, а другие сближались к тому по замечаемой неисправности в платеже податей, донныне наложенных».²⁴ Ввиду этого Горный совет последовал рекомендации Правления не взимать «прибавочную подать» за прошедшие годы с заводов, которые отныне признавались посессионными. При этом чиновники сослались на сенатское определение 1829 г. по подобному же случаю с Белорецким заводом генерал-майора А. И. Пашкова на Урале.

Этот случай получил широкий резонанс в связи с тем, что в указе, последовавшем из Сената министру финансов в 1830 г., предписывалось Пермскому и Московскому горным правлениям вновь «войти в рассмотрение» всех вообще частных заводов и проверить правильность отнесения их к статусным группам. Поскольку Московское правление уже несколько лет занималось этим вопросом, более активизировалось тогда Пермское правление, которое в том же году потребовало от заводских контор «поспешнее представить подлинные акты, по которым построены заводы, и объяснить, от кого переходили из рук в руки, какими пользуются лесами, рудниками и землями».²⁵ Так началась длительная «кампания по разбору прав заводчиков», завершившаяся лишь в 1850-е гг.

Как позднее описывал ход «разбора» уральский берг-инспектор Д. С. Меньшенин, «начала акты требовались от заводских контор или от самих заводчиков, а из них многие требования сего не удовлетворили по случаю утраты актов. От этого произошла переписка с теми местами, от коих в прежнее время зависело построение заводов... Поелику большая часть заводов построены за 50 лет и раньше, а существующие в то время заведывавшие горной частью присутственные места уничтожены, дела же их хранятся в разных архивах, и потому об одном заводе документы отыскивались в трех разных местах, от этого справки делались и доставлялись сведения весьма медленно».²⁶ В результате этой работы

²² Там же. Названия заводов приведены в соответствие с современным правописанием. См.: Арсентьев Н. М. Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск, 2019. С. 60–135.

²³ ПСЗ. Изд. 2-е. Т. 8. № 5888.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 696.

к 1836 г. выявили всего шесть претендентов на перевод из владельческих в посессионные. Основанием к тому для Нязепетровского завода наследниц Л. И. Расторгуева, Нижнеуфалейского — К. М. Губина и Преображенского — Гусятниковых послужил недворянский статус их основателей, для Уинского и Шермяитского заводов наследников С. С. Яковлева — статус земель, в свое время кортомленных у татар и позже признанных государственными, а для Мёшинского — Г. И. Осокина — пользование казенными землями и рудниками.²⁷

Не удовлетворившись этим и сомневаясь в достоверности сведений, полученных от контор, Горный совет счел необходимым собрать дополнительные данные о еще 15 уральских заводах, большая часть которых была основана не дворянами, но ныне или принадлежала их одворянившимся потомкам, или была приобретена дворянами у не дворян. В числе этих предприятий оказались, например, многочисленные южно-уральские заводы, принадлежавшие потомкам купца И. С. Мясникова из таких известных дворянских родов, как Пашковы, Дашковы, Балашовы, Белосельские-Белозерские, Лавали и Сухозанеты. Понятно, что эти заводчики стали энергично отстаивать владельческий статус своих предприятий в высших инстанциях и не торопили свои конторы предоставлять «затребованные сведения». В 1848 г. главному начальнику уральских заводов В. А. Глинке даже пришлось установить крайний годичный срок для подачи сведений. «Если не доставят документы, — грозил он, — то заводы их будут обложены полуторной податью». Однако когда и этот срок истек, выяснилось, что никто из заводчиков так и не предоставил данных, зато в Министерство финансов и в Сенат поступили их многочисленные жалобы. В них преимущественно акцентировалось внимание на неправомерности включения в перечень посессий «правового пособия», на основании чего многие заводы и могли оказаться в группе посессионных как основанные купцами. Ограничившись имевшимися в распоряжении Горного правления материалами, главный начальник отослал в Министерство финансов свои собственные «соображения», а оттуда в 1850 г. дело поступило в Государственный совет и Сенат.

Отвечавший за законность решений Сенат встал на сторону влиятельных заводчиков. Об-

щее собрание Сената установило, что «до настоящего времени не было узаконения о взимании особой подати за право не дворян приобретать к заводам крепостных людей», а 47-й параграф Учреждения Министерства финансов, включивший в перечень «правовое пособие», всего лишь «относился к распределению предметов по Отделениям Департамента горных и соляных дел». Если бы ему была «присвоена сила постановления, отменяющего прежние узаконения о размере податей, то мера сия была бы приведена в свое время в исполнение», — предположили сенаторы, видимо, не осведомленные о подлинных причинах этого бездействия, упомянутых в указе 1833 г. Было признано: «... горные заводы, как состоящие ныне во владении дворян, так и не дворян, если они не получали от казны какого-либо вещественного пособия и не платили доселе полуторной подати, следует оставить в разряде владельческих». В 1852 г. Государственный совет поддержал это заключение, как «правильное и на точном разуме действующих законоположений основанное».²⁸ Заводчики восприняли его как отмену «правового пособия», ставшего причиной столь неприятного для них инцидента, хотя законом это не было закреплено.

В результате владельческий статус отстаивали все 15 заводов, включая и Белорецкий завод А. И. Пашкова, послуживший поводом к началу «разбора прав». Рассмотрев аргументы владельца, Сенат еще в 1834 г. признал это предприятие владельческим, сославшись, в частности, на «давность устройства завода и постоянное действие его в продолжение более 80 лет собственными способами владельцев». Не исключаем и роли в этом того факта, что представлял дело в Сенате министр юстиции Д. В. Дашков, муж двоюродной сестры владельца Е. В. Пашковой, которая вскоре сама станет уральской заводчицей, приобретя Благовещенский завод у А. П. Полторацкой. В отношении же шести заводов, предложенных к переводу в группу посессионных в 1836 г., решения принимались в индивидуальном порядке. Из них был подтвержден посессионный статус лишь Мёшинского и Уинского заводов. Кроме того, посессионным признали Богословский завод В. П. Шелашникова, несмотря на то что его владелец был дворянином. Но он не протестовал, поскольку не был уверен в «помещичьем звании» рабочих. Вопрос

²⁷ См.: Там же. Л. 698–743; Д. 7238. Л. 1–8.

²⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 27. № 26505.

о Билимбаевском заводе Строгановых, по поводу которого возник спор еще в начале XIX в., рассматривался отдельно в связи с делом о границах земель Строгановых. «В уважение к заслугам рода» все его владения, включая и горные заводы, были признаны Николаем I частной собственностью в 1830 г.²⁹

Скорее всего, резонансная кампания «по разбору прав» уральских заводчиков повлияла и на решения, принятые по замосковным горным предприятиям, в 1833 г. признанным посессионными в основном «по праву владения людьми». Московское горное правление тоже проводило «разбор прав», но он, видимо, не был столь же масштабным, как на Урале. Из числа замосковных заводчиков, жаловавшихся на «неправильное причисление», в имеющихся в нашем распоряжении актах упоминались только коллежская секретарша М. А. Величковская и поручица П. А. Мергасова, которые в 1832 г. купили у своего дяди, купца П. Ф. Засыпкина, Богдано-Петровский завод. Они доказывали, что этот завод «никогда не пользовался какими-либо от казны пособиями, почему и не может быть причислен к разряду посессионных».³⁰ Государственный совет в 1852 г. оставил ему владельческий статус, о чем было «объявлено владельцам через заводского исправника».³¹

Однако, по данным Комиссии по пересмотру Горного устава (сокращенно ее называли Горной комиссией), учрежденной при Министерстве финансов в 1857 г., в Замосковье к посессионным относились тогда лишь 13 металлургических заводов.³² Это были Виндреевский завод А. Н. Еракова, Кирицкий — К. Н. Смольянинова, Истинско-Залипяжский — торгового дома Барковых, Мышегский — княгини Е. Г. Бибарсовой, Дугненский — мещанина Д. Д. Лаврова, Сенетско-Ивановский — наследников К. А. Кавериной, Ханинский — купца И. Ф. Засыпкина, Серенский и Песоченский — Е. И. Бенардаки, Бытошевский (скорее всего, вместе со вспомогательным Петровским) — купца К. В. Мельникова, Авгурский и Сивинский (этот завод, видимо, был пропущен в 1833 г., поскольку не значился и в числе владельческих, как и

вспомогательный Приклонский) — наследников почетного гражданина Н. Д. Манухина и Рябкинский — Д. С. Селезнева.³³ Поскольку в этом списке отсутствовали причисленные к имеющим казенные пособия в 1833 г. пять баташевских, два мосоловских (один из них, Непложский, был закрыт в 1851 г.)³⁴ и два завода Голыньских (этими все еще действующими предприятиями владел уже генерал-майор И. А. Мальцов), можно предположить, что их владельцам за прошедшие два с лишним десятилетия удалось отстоять владельческий статус, как это сделали многие уральские заводчики, оказавшиеся в таком же положении.

В результате всех этих мероприятий, осуществленных горным ведомством в первой половине XIX в., к началу 1860-х гг. на Урале посессионными оказались 23 из 42 частных горнозаводских округов и в Замосковном районе — 13 из 42 металлургических заводов. За пользование казенными пособиями они не только платили повышенный налог, но и подвергались более жесткому контролю со стороны горного ведомства. Вслед за податными различиями государством были введены и так называемые посессионные ограничения, касавшиеся пользования «казенными пособиями». Их закрепление произошло при издании в 1832 г. нового кодекса горнозаводского законодательства — Горного устава. Эти ограничения существенно сократили возможности владельцев по распоряжению заводским имуществом и поставили их в неравные экономические условия с заводчиками-вотчинниками. Кроме того, был установлен трехгодичный срок «бездействия» посессионного завода; истечение этого срока вело за собой «отобрание» имущественных пособий в казну.

Поэтому Горная комиссия, призванная подготовить обновленный устав, под влиянием заводчиков признала посессионное право «не совсем согласным с нынешними потребностями промышленности и необходимою для успешного развития ее свободною дейст- вий». К 1863 г. она разработала проект «ликвидации посессий», который явился важной составной частью новой реформы организационных основ отечественной горнозаводской промышленности, вызванной как медленными темпами ее развития, так и происходившими тогда социальными переменами в стране.

²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6998. Л. 26, 67–68об.; Д. 5056. Л. 2, 429, 762–785.

³⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 27. № 26505.

³¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 971. Л. 10–14.

³² Еще пять предприятий считались «минеральными», или квасцово-купоросными. Впоследствии они были исключены из состава горных заводов.

³³ См.: РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 49. Л. 4–13; Ф. 37. Оп. 5. Д. 790. Л. 12, 38; Оп. 67. Д. 829.

³⁴ См.: Арсентьев Н. М. Указ. соч. С. 84.

«Освобождение заводов от посессионного права» предполагалось осуществить в два этапа, разделив заводы по видам пособий, которыми они пользовались. На первом из этих этапов предстояло перевести в состав владельческих заводы, пользовавшиеся «пособием в людях» и «правовым пособием», которые окончательно утратили свое значение после отмены крепостного права; на втором — путем выкупа должны были изменить свой статус заводы, пользовавшиеся «вещественными пособиями в землях и лесах». «Пособие в рудах», как не поддающееся оценке, вместо выкупа предложили заменить небольшим прямым налогом. Были также изданы новые правила лесопользования, которые заменили отводы казенных земель их арендой. Этим было остановлено распространение посессионного права на новые территории Европейской России и Урала.³⁵

В том же 1863 г. вышел закон, положивший начало посессионной реформе. Он предполагал «перечисление в разряд владельческих» тех посессионных горных заводов, владельцы которых пользовались трудом казенных работников и заводских крепостных или зарабатывали рудники на казенных землях. Но «перечисление» происходило не автоматически, а при условии, что заводчик позаботится о мастеровых и предоставит им «усадьбы безвозмездно, покосы же и топливо на первые три года — в безвозмездное пользование, а на следующие три года — за половину установленной платы».³⁶

На Урале претендентами на «перечисление» оказались всего шесть хозяйств: Кыштымские заводы наследниц купца Л. И. Растворгуева, Саранинские — Кнауфского округа, Сергинские — наследников К. М. Губина, Кагинские — купца Ф. П. Никифорова, Авзяно-Петровские — Д. Е. Бенардаки и Богословский завод В. П. Шелашникова. В Замосковье на перемену статуса могли претендовать все 13 вышеназванных посессионных заводов, поскольку они располагались на землях владельцев и имели лишь «пособие в крепостных заводских людях».

Уральскому горному правлению было поручено организованно собрать сведения о выполнении заводчиками социальных требований закона и «общим распоряжением министра финансов» осуществить перечисление. Однако этот замысел не осуществился: обна-

ружились сложности с определением сроков предоставления льгот мастеровым и прочие «непредвиденные обстоятельства», которые привели министра финансов М. Х. Рейтерна к решению проводить перечисление «частными постановлениями в отношении отдельных округов». Кампания затянулась до 1876 г., но по ее результатам пять уральских горнозаводских округов (Богословский завод, сменивший свой профиль с медеплавильного на селитряный, был выведен из числа горных предприятий) все-таки стали владельческими.³⁷

В Замосковном районе кампания оказалась не менее сложной и даже более продолжительной из-за отсутствия какого-либо организационного начала. В 1865 г. Московское горное правление ликвидировали, и каждый посессионер должен был действовать самостоятельно в зависимости от своих намерений и возможностей. Тем не менее к началу XX в. состоялось «перечисление» почти всех этих предприятий, многие из которых уже бездействовали. Исключение составил, вероятно, Авгурский завод. Это небольшое чугуноплавильное предприятие вместе со смежным железодельным Сивинским заводом в 1878 г. поменяло своих владельцев, которые намеревались перепрофилировать их на винокурение. Видимо, задуманное произошло только с Сивинским заводом, а Авгурский, выплавивший в 1905 г. 9 506 пудов чугуна, сохранил свой металлургический профиль и посессионный статус во владении купцов Головых.³⁸

Остальные посессионные горные заводы, располагавшиеся на Урале и пользовавшиеся «пособием в землях и лесах», как уже упоминалось, должны были поменять свой правовой статус на втором этапе реформы. Для их владельцев Горная комиссия предложила рассроченный выкуп земель и лесов у казны. В 1860–1870-е гг. были разработаны три варианта такого выкупа, но ни один из них так и не был реализован. Причинами этого стали сопряженность выкупа с завершением землеустройства горнозаводского населения, которое задержалось на Урале до начала XX в., а также нараставшие противоречия между властями и заводчиками по вопросу о судьбе крупной земельной собственности. На рубеже XIX и XX вв. посессионные земли стали рассматриваться властями в контексте решения

³⁵ См.: ПСЗ. Соб. 2-е. Т. 38. № 39388.

³⁶ Там же. Т. 38. № 40358.

³⁷ См.: Неклюдов Е. Г. Горная реформа... С. 424–431.

³⁸ См.: Там же. С. 431–444.

аграрного вопроса, что привело в 1899 г. к разработке альтернативного выкупу способа «разверстания», или раздела земель и лесов между казной и заводчиками. Он усиленно навязывался посессионерам на нескольких межведомственных совещаниях, но те столь же настойчиво боролись против его утверждения, поскольку не без основания полагали, что предусмотренное этим проектом отделение природных ресурсов от заводов еще более снижало их конкурентоспособность в сравнении с заводчиками-вотчинниками.

Однако неудача общей реформы посессионного права не исключила сокращения по разным причинам количества посессионных горнозаводских имений на Урале. Несколько округов (Шурминско-Залазнинский — Мосоловых, Суксунский — Демидовых и Кнауфский), долгое время бывшие в казенном управлении, а также Ревдинский округ купца Г. М. Пермикина получили владельческий статус при их публичной продаже по особым высочайшим распоряжениям в 1880–1890-е гг. За нарушение допустимого срока бездействия завода были возвращены в казну посессионные земли Уинского, Мёшинского и Шильвинского заводов. Холуницкий округ И. А. Поклевского-Козелл за долги перешел в казенное владение в 1911 г. Земельные дачи небольшого Бемышевского завода, где дальнейший горный промысел был признан бесперспективным, в 1905 г. «разверстали» между казной и владельцами. В результате этих действий к концу имперского периода на Урале из 23 бывших посессионных округов осталось всего восемь (Нижнетагильский — наследников П. П. Демидова, Верх-Исетский, Алапаевский и Невьянский — наследников С. Я. Яковлева, Сысертский — наследников А. Ф. Турчанинова, Омутнинский — Пастуховых, Кажимский — наследников Д. Е. Бенардаки и Шайтанский — наследников О. И. Берг). Остальные 20 хозяйств, действовавших тогда в регионе, принадлежали своим владельцам «во всем пространстве прав полной собственности».

Подводя общий итог, отметим, что политика всесторонней помощи горнозаводчикам в виде разнообразных «пособий от казны», широко применявшаяся в XVIII в. и способствовавшая развитию базовой отрасли российской экономики, к началу XIX в. закономерно привела к формированию особого посессионного права. Однако уже с первых шагов становле-

ния этого права оно создало как для горных властей, так и для горнозаводчиков проблему, связанную с определением статуса предприятий. Усугубляло эту трудоемкую операцию, требовавшую обнаружения достоверных исторических сведений, ее протекание на фоне растянувшегося на несколько десятилетий процесса становления самого права и, в частности, определения перечня из пяти казенных пособий, за каждым из которых находился какой-либо имущественный объект права (земли, леса, рудники, люди разных категорий). Расширение этого перечня вызывало необходимость пересмотра определенного на рубеже XVIII и XIX вв. первичного состава посессионных и владельческих заводов, что реализовалось в ходе кампаний «по разбору прав» заводчиков 1830–1850-х гг. Они протекали в двух основных районах сосредоточения горнозаводской промышленности — на Урале и в Замосковье и сопровождались конфронтацией между казной и заводчиками, которые боролись за свои владельческие права.

Формирование посессионного права с его ограничениями для предпринимателей в распоряжении заводским имуществом стало частью крупной реформы организационных основ российской горнозаводской промышленности, приведшей к существенному усилению роли государства в развитии отрасли. Реформа растянулась с начала до середины XIX в. и привела, в частности, к структурированию посессионного сектора промышленности из почти половины уральских заводов и трети замосковских. Новая горная реформа, начавшаяся в 1860-е гг., предполагала, наоборот, сокращение роли государства. Она включала ликвидацию посессионного права, как уже не соответствовавшего современным потребностям промышленности, и объединение посессионного сектора с владельческим. Однако эта реформа не реализовалась полностью, отменив лишь три вида посессий и сократив до двух (леса и земли) имущественные объекты посессионного права. Для замосковских посессионных заводов это привело к почти полному изменению статуса, для уральских — к небольшому (примерно на 1/5 часть) сокращению их количества. Но заместившая общую реформу довольно результативная практика снятия с отдельных заводов устаревшего правового статуса привела дополнительно к почти двукратному сокращению посессионного сектора уральской горнозаводской промышленности.

К концу имперского периода он включал менее трети частных горнозаводских хозяйств, в результате чего владельческий сектор, развивавшийся в более свободных экономических условиях, стал доминирующим и на Урале.

Прослеженный нами процесс определения статуса горных заводов показывает, что «территория действия» посессионного права на Урале и в Замосковье за время своего существования не отличалась стабильностью. Она заметно расширялась в первой половине XIX в.

и существенно сокращалась во второй его половине. В результате этих перемен, соответственно, либо усиливалось, либо уменьшалось «ограничительное действие» посессионного права. Происходившие изменения были результатом противоречивого взаимодействия государства и горнозаводчиков по поводу состава и статуса казенного имущества, находившегося в распоряжении заводчиков и являвшегося объектом эксклюзивного для России посессионного права.

Eugeny G. Neklyudov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ntplant9@mail.ru

POSSESSIONAL MINING PLANTS OF THE URALS AND ZAMOSKOVYE IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES: DETERMINATION OF STATUS

The article is devoted to the phenomenon of possession law in Russia's mining industry considered in the context of two major reforms of the organizational foundations of this basic branch of the economy. On the basis of legislation and departmental office work, it examines the problem of determining the legal status (possessory or ownership) of private plants in the Urals and the Zamoskovny region, which the authorities faced after the introduction of mining accession in 1782. It also considers the circumstances of the primary distribution of plants by status groups at the turn of the 18th and 19th centuries; the motives and course of the campaigns «to analyze the rights» of factory owners in the 1830s — 1850s, designed to clarify the composition of these groups; reasons and results of removing the burdensome possession status from plants in the second half of the 19th — early 20th centuries. It is concluded, that these operations were the result of changes in the list of state benefits, or possessions, introduced in the course of the reform and leading either to an expansion or to a reduction in the possessory sector of industry both in the Urals and in the Zamoskovny region. It is determined that the status composition of plants was, on the whole, a reflection of the contradictory interaction between the state and factory owners regarding state property that was at the disposal of factory owners and was the object of exclusive for Russia possession rights.

Keywords: *Urals, Zamoskovny region, 19 — early 20th centuries, mining plants, possession law, mining reforms*

REFERENCES

- Arsentiev N. M. *Moskovskoye gornoye pravleniye v istorii rossiyskoy industrializatsii* [Moscow mining administration in the history of Russian industrialization]. Saransk: Izd. tsentr InStitut Publ., 2019. (in Russ.).
- Neklyudov E. G. [Mining plants of the Urals in the 18th — early 20th century: the formation and development of economic and legal sectors]. *Ne otstupaya, byt' samim soboy: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya K. N. Tarnovskogo: sb. statey i vospominaniy* [Without retreating, to be yourself: To the 100th anniversary of the birth of K. N. Tarnovsky: articles and memoirs collection]. Moscow: ITs Instituta rossiyskoy istorii RAN Publ., 2021, pp. 75–92. (in Russ.).
- Neklyudov E. G. *Gornaya reforma v Rossii vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.: ot zamysla k realizatsii* [Mining reform in Russia in the second half of the 19th — early 20th century: from concept to implementation]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018. (in Russ.).
- Neklyudov E. G. *Posessionnoye pravo v istorii ural'skoy gornozavodskoy promyshlennosti XIX — nachala XX v.* [Possession law in the history of the Ural mining industry in the 19th — early 20th century]. Ekaterinburg: RIO UrO RAN Publ., 2011. (in Russ.).

Для цитирования: Неклюдов Е. Г. Посессионные горные заводы Урала и Замосковья в XIX — начале XX в.: определение статуса // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 175–184. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-175-184.

For citation: Neklyudov e. G. Possessional mining plants of the Urals and Zamoskovye in the 19th — early 20th centuries: determination of status // Ural Historical Journal, 2022, no. 2 (75), pp. 175–184. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-175-184.